

01 (2 - ПЛ) 5

С 170

ПАСЛЕЙ САМЫК

Солнечный
дождь

ПАСЛЕЙ САМЫК

Солнечный Дождь

Лом 1989
У
Лала

СТИХИ, ПОЭМА

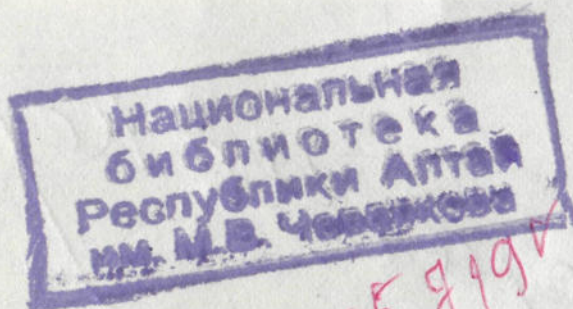
Перевод с алтайского

Давшему
но дубило мерной и
летел стержней драве
от дубило о рина
И. Сауловна
мира, Дора, Дора

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1989

ББК 84 Алт7
С 17

Художник
Евгений ДРОБЯЗИН

255 919
P

Самык Паслей

С 17 Солнечный дождь: Стихи, поэма. Пер. с алтайского.— М.: Советский писатель, 1989.— 112 с.

ISBN 5—265—00909—4

Поэт показывает прошлое и настоящее родного края, часто обращается к фольклорным мотивам не только в их эпическом переосмыслении, но и в оригинальной лирике. Широкий тематический диапазон творчества Самыка. Самостоятельный раздел составили поэтические портреты прославленных людей разных эпох и наших современников.

4702070200—161

С ————— 417—89
083(02)—89

ББК 84 Алт7

© Перевод на русский язык. Издательство «Советский писатель», 1989

НЕИСТОВЫЙ МАРАЛ

Мой бег по Алтаю
Как молнии лёт,
Но, не отставая,
Страсть мучит и жжет.

Марал я неистовый,
Рок непреклонный!
Кусты желтолистые
Мну я на склонах.

Пьянея, взлетаю
На голые скалы.
За мной, громыхая,
Бушуют обвалы.

Вскипают ключами
Следы от копыт.
И солнце, качаясь,
Как бубен гудит.

И гулу, звеня,
Вторит, прячась меж сосен,
Отравой меня
Опоившая осень.

Мне не уцелеть.
Рвется сердце на части!
Но мне ль не воспеть
Эту гибельность страсти!

Где ж Три Оленихи¹,
О Небо-отец?!
Железное иго
Их звездный венец.

От их ли огня
Кровь моя забурлила?
Все гонит меня
Сумасшедшая сила.

И нету с ней сладу,
И нету ей меры!
Плевать на засаду —
Пусть ждут браконьеры!

Лечу я по кручам —
Что может быть краше!
Мне самый могучий
Соперник не страшен!

Лечу я — охвачен
Любовным порывом!
Жизнь — вечная скачка
Над бездной обрыва.

Нет счастья без боя,
Жить надо рискуя.
Пусть смерть предо мною —
С пути не сверну я.

¹ Три Оленихи — созвездие Орион.

Мне выбор не труден,
Скачу опьяненно!
И солнце как бубен
Гудит с небосклона

Над ширью лучистой
Радостной вестью!
Марал я неистовый —
Трубная песня!

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Двадцатипятилетний
Перед вами стою.

Ширь алтайского неба
За спиною
Полощет как крылья.

Словно птица,
Я ввысь устремлен!
Бьет в лицо мое
Ветер эпохи.

Бьется сердце —
Одно у меня оно,
Как и у вас!

Но на двести лет жизни
Горячей любви ему хватит!
Но на двести лет верности
Хватит с избытком его!

Кто проникнет в него,
Тот его никогда не забудет.
Люди,
Весь я открыт перед вами,
Примите ж меня!

В яром жаре огня,
Как булат, закаляю строку я!

Жизнь — борение вечное,
Жизнь — горение вечное! —
В этом высшую мудрость творенья,
Созидания суть
Признаю я!

Ну а если до срока паду я
(Ведь всякое может случиться!),
В мою чистую совесть,
Как в саван,
Меня заверните.
Лишь ее я берег,
Лишь ее чистотой дорожил я,
Не испачкав
Ни ржавыми пятнами лжи,
Ни предательства дегтем.

Я иду тротуарами гулками
Улиц московских.
В синих сумерках вечера
Девушек лица волшебны.
Я свою хочу встретить любовь,
А пока ее нету,
Я слагаю стихи —
Вдоль весны проходя, —
И за мною
По ветвям — миг назад еще голым! —
Огнем
Пробегают листва!

В ПРОСТОРАХ ГОР

Эти горы, вздыбленные в небо,
Эти дали, что о них разбились,
Ветры, что вползают к перевалам,
Выгибаясь и теряя силы;

Эти, в глубину времен бездонных
Из глуби грядущего бездонной,
Водопады, рвущиеся яро! —
С первых дней творенья и навеки
Мне принадлежат!
Они мои!

Тыщи лет назад на месте этом
Тюркский богатырь Козын-Эркеш
Вещего коня по гриве гладил
И смотрел на землю-мать с восторгом,
Чистых слез любви не утирая.

А теперь за шею обнимаю
Я коня на вздыбленной вершине —
Родом тюрк из племени алтайцев —
И не в силах слезы скрыть восторга
Пред красой Алтая,
Чудом жизни!

Верю,
Знаю:
Пусть пройдут столетья,

Но опять на эту же вершину
Дальний мой поднимется потомок,
Возвратившись
Из межзвездных странствий,

И, обнявши скакуна за шею,
Будет вдаль глядеть, не пряча слезы
От восторга пред красотой Алтая,
От восторга перед чудом жизни!..

СКАЗИТЕЛЬ, КОЗЫН-ЭРКЕШ И МЫ

Я на родине снова,
я в юрте сижу у кайчи¹
Вместе с другом,
Фикретом Годжою,
поэтом из Азербайджана.
Как далеко отсюда наш Литинститут...
да почти
На другом краю света!
Машины... метро...
Даже странно
И представить их здесь...
Тонут горы в бескрайней ночи;
Просверкавши над кручей,
последние гаснут лучи;
Мы молчим
и внимаем топшуру²,
от песни пьянея гортанной.

* * *

Вновь над Азией древнею в небе, как бубен, луна,
словно в бой призывая,
набатов
гудит и рокочет!

¹ Кайчи — сказитель.

² Топшур (топшуа) — двухструнный щипковый инструмент.

Снова беркуты давних сражений, что вынесла эта
страна,

надо мною
сшибаются яро
и грозно клекочут!

Далеко-издалека
Протяжное ржанье звучит:
Это плачет в ущелье скакун, потерявший батыра!
Звезды холодноглазые
Мечут в землю, как копыя, лучи —
и, стеклянно звеня
у лица моего,
превращаясь в цветы, лепестки раскрывают они,
Дна достигнув Подземного мира.

* * *

В жилах кровь моя,
Словно бы красная глина,
От жара спеклась!
Вся душа напряглась тетивою,
Стрелу посылая в погоню!
Закипает в груди
Азиатская дикая страсть,
Бьется сердце Козына-Эркеша во мне —
Это он, а не я,
Это он, а не я здесь сегодня! —
Клянусь вам,
Поверьте!

Ибо смерти не знают герои!
Удел их — бессмертье!

Эй, вы, злобные ханы-цари,
Эй, вы, гнусные лисы-вельможи!

Выходите на бой!
Я за всех,
Кто по милости вашей
Скитается по миру сир,
Самой полною мерой
Отмерить отмщенье вам должен!..
Это я говорю вам,
Я — Козын-Эркеш,
Сын раба,
Батыр!

Многоугольные шатры богачей
я опрокидываю
одним ударом,
Срезанные кинжалами глаз моих,
корчатся ханы,
злобу тая!

Заглатывая с кровью ярость свою,
Улыбаются они мне,
Табуны коней и сундуки сокровищ предлагая даром,
Но ядовитые мысли их,
дымным клубясь пожаром,
не дают им дышать,
застылают взгляды,
как черная кисея.

А я
В Подземного мира спускаюсь бездну,
Владыку демонов — Эрлика! —
Упреками пытаю,
Не страшась на все живое наводящего ужас,
звериного его лица.

А я
Золотым соколом
Взлетаю в простор надзвездный —
С Юг-Курбустаном беседую,—

И испуг перед мощью моею —
вижу! —
вспыхивает в глазах творца.

* * *

Не смогли,
Не смогли мои враги победить меня силой.
Не прельстили меня их девы,
Не соблазнили ни золото,
ни табуны,
ни стада!

Черною хитростью
На дно утыканной пиками ямы меня бросили,
думая:
пусть будет ему могилой! —
Никогда Козын-Эркеш отсюда не выберется,
Наконец-то мы от него избавились,
избавились навсегда!..

Но есть волшебница милая у меня,
В сказочном Туркестане есть милая у меня.
Умру ли —
живой водой окропит, оживит меня.
Жив буду, приеду —
обрадуется, обнимет меня.
На всю мою жизнь единственная есть любовь
у меня.

Все слова, мною сказанные,
Всю песни этой печаль,
Спрятав под перьями белыми,
Гусь дикий уносит вдаль.

* * *

Грозные властители мира,
Непреклонные, как судьба,
Вы думали —
Нету уже батыра,
Навеки вы избавились
От сына раба!
Но напрасны оказались ваши надежды
На то,
Что истлеют кости мои
В земной глубине!
Нет!
Я снова живой!
Я еще сильнее, чем прежде!
Я вас вызываю на бой! —
Что ж вы трясетесь? —
Подходите,
Подходите ко мне!

* * *

Попирая владык,
Я владыкой не стал.
Как и раньше, сума
У батыра пуста.
Я свободу дарил
Не затем, чтоб отнять.
Мне велела душа
Бедный люд защищать!

Долгий путь мой ведет сквозь пространства меня
и века,
Я во всех поколениях жив!
Не ослабла рука

У меня!

Нету ржи на булатном клинке на моем! —
Сын раба-пастуха —

я в дозоре всегда боевом!
Пусть меня проклинаят, бледнея, цари и князья,
Но в народных сказаньях восславлена доблесть моя!
И покуда на землю не рухнет небесная твердь,
Все над Азией будет
побед моих эхо греметь!

* * *

Стихнул бубен луны,
смолк топшур под рукой у кайчи.
Битвы беркутов канули
в утренних клочьях тумана.
Водопадом с востока
пролились на землю лучи.
Новый день уж шумит.
Только все потрясенно молчим
Мы с Фикретом Годжою,
поэтом из Азербайджана.

Выбегаю из юрты,
волненья не в силах унять!

Кровь Козына-Эркеша во мне,
В моем друге, —
Мы все в мире братья!
Предо мною вся жизнь!
Мне покуда всего двадцать пять!
Слышишь, солнце, —
так что ж! —
Открывай мне скорее
объятья!..

ПРИКАТУНСКОЕ

Как сосны тихи
По ночам
Над притихшей Катунью.

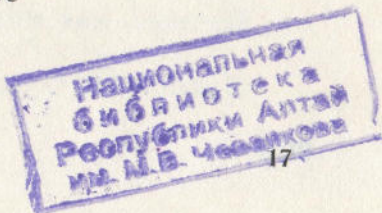
Дай руку мне...
К сердцу прижми моему...
Что ты слышишь
В молчанье
Июня?

Беззвездное небо,
Луне не пробиться сквозь тучи.
Качаются немо
Уснувшие сосны над кручей.

Лица моего
Ты не видишь...
Склонись же поближе...

Дай руку...
Ты слышишь,
Как сердце стучит? —
Говори же!

Миг длится свиданье
Иль век —
Не пойму!
Пощади мою душу!

Так что ж ты молчишь?

Любовь и страданье —
Два разных названия лишь
Тишины этой душевной!..

С. П. ПЕТРОВИЧ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
1957

Видишь, как верно из труб выдвигается дым,
Как выстрелит снаба,
Расстилаясь ковром золотым.

Сын, эту землю тебе я дарю, принимай
В небо горюхи, в облака —
Пусть жаль!

ЖЕНЕ

Женщины капризны! — говорят.
Но тебя капризней я стою.

Говорят: лукав у женщин нрав!
Нет, не ты, скорее — я лукав.

В мире нет другой такой жены! —
Ты ж себе не ведаешь цены.

Совершенства все в тебе сошлись —
Ты и глубь души моей, и высь!

СЫНУ

Сын, эту землю тебе я дарю, принимай
В небо горами ушедший священный Алтай!
Встань средь вершин его новой вершиной крутой,
Снежною шапкой сверкая в горящих лучах;
Стань в его реках еще одной светлой волной,
Новым побегом взойди в его вечных лесах!

Сын, эту землю тебе я дарю, принимай! —
Смело входи в этот мир,
Он давно тебя ждет!
Радуйтесь, горы!
Ты, солнце, ликуя, сияй! —
На человека стал больше алтайский народ!
Должен взять в сердце свое ты его доброту,
Должен в себе ты отныне до смерти беречь
Доблесть народа,
Его языка чистоту,
Предков сокровище —
Древнюю тюркскую речь!

Вот твоя Родина!
Вот Святогорье легенд!
Белые ветры звенят по отрогам хребтов.
Видишь, маралы, трубя о величье побед,
Скачут по скалам, вздымая деревья рогов.
Видишь, как мирно по солнечным склонам
Льются стада из долин, как вода через край;
крутым

Видишь, как мирно из труб поднимается дым,
Как вызревают хлеба,
Расстилаясь ковром золотым...

Сын, эту землю тебе я дарю, принимай
В небо горами ушедший священный Алтай,—
Пусть же оно
Никогда не затмится над ним!..

В ГОРАХ. СНЕЖНАЯ ВЕСНА

Матадором себя называл.
Сыном Солнца себя называл.
Нету удержу мне, повторял,
Все смету как обвал!

Ничего матадорского ныне во мне
не сыскать.
Да какой я Сын Солнца, коль тьма меня
мучит в ночи.

Третий месяц отец,
настоящий отец мой,
обычный алтайский пастух,
Все не может с постели привстать,
Третий месяц,
болея,
лежит недвижимо почти.

Не могу излечить я его.
Облегчить его мук не могу.
Вот расплата мне за хвастовство —
Я такой не желаю врагу!

Кабы знал, что болтал!
Отчадил фейерверк моих фраз...
Как я жалок и мал,
Как же зол на себя я сейчас!

Как себя ненавижу,
Как себя, презирая, клянущу!

Лучше б — враз! —
Как фугас,
Гнев к себе мое сердце взорвал!

Вот и май на дворе,
А буран все мести не устал.
Все не хочет зима
Допустить в мои горы весну.
Уж давно бы лужайкам
Пора зеленеть среди скал,
А в ущелье метелью
По шею заносит сосну.

Так и душу мою
Занесло мокрым снегом теперь.
И скулит, и скулит она,
Вся от мороза дрожа.
Свищет вьюга над миром,
С размаху колотится в дверь,
Прижимаясь к окну,
Смотрит в дом наш,
Стеклом дребезжа.

Репродуктор включаю.
Поет Магомаев Муслим
Итальянскую песню
О крае, где вечно тепло.
Здесь же, в Каспе, лишь вьюга
Гудит по отрогам крутым.
Все растут-вырастают
Сугробы,
Скрывая село.

Снег валит и валит...
Ночь глухая таит в себе страх.

Припадает к земле,
Словно бы выбиваясь из сил.

Спят усталые люди
В своих заметенных домах...

Вот и я свою голову хмуро на стол уронил...

Только здесь,

только ныне

постигнул я то, что давно

Должен был бы постигнуть,

да все отметал на бегу:

Не мои земляки,

Не Алтайские горы в снегу,

Не отец и не мать —

хоть умри и воскресни за них! —

все равно,

все равно

Не они предо мною,

а я перед ними

в долгу!..

ДУМАЯ О СВОЕЙ СУДЬБЕ

Говорят: ты не молод, пора б отдохнуть,
Уж виски сединою блестят.
Говорят: ты теперь поспокойнее будь,
Рассудительней будь! — говорят.

Так! Но что же по осени все горячей
Пышут гроздьях рябин у крыльца?
Что ж, как прежде, волнуют в людской толчее
То улыбка случайных девичьих очей,
То лукавая нежность лица?

Было свыше дано мне от жизни пьянеть,
Кровь как лава по жилам лилась!
Скакуном мне хотелось по миру лететь,
Знать не зная, что есть коновязь!

Думал я: на меня не отыщешь удил!
Что мне путы и что мне узда!
Нет, я не сумасбродным — наивным я был:
Я хотел, чтоб меня мой народ полюбил,
Чтоб в себе сохранил навсегда.

Песни те, что о нем я пытался пропеть,
О друзьях его и о врагах!
Словно солнечный дождь, я хотел прозвенеть,
В голубых просияв небесах!

Но постой! Не того ль и сейчас я хочу,
Не к тому ль и сейчас я стремлюсь?

Только нынче бессмысленно я не скачу
И дождем, просверкавшим навстречу лучу,
На бесплодные камни не льюсь.

Это старость? Да нет, я покуда не стар,
Хоть виски все белей и белей.
Не слабей, а сильнее с годами я стал:
Дальше вижу и слышу острее!

Сам себе взял узду я, сам сплел я камчу,
Сам суровой год от году душу учу,
Чтоб не дрябла она в суете,
Ибо понял: не просто пройти по лучу,
Что поэт ведет к высоте!

СТРАНА КЕДРА — АЛТАЙ

Вам говорю я,
Вы слышите, братья мои и друзья,
Так обращаться с землею родною
Нам больше нельзя.

Вот он пред вами лежит —
Заповедный мой край,
Издревле в песнях воспетый
Священный Алтай.

Кедром заросшие
Горы его высоки.
Травы целебны его
И чисты родники.

Дивные птицы
Кружатся в его голубых небесах.
Редкие чудные звери
В его обитают лесах.

Дух Алтая столетья
Берег для нас этот простор!
Что ж все чаще и чаще
Здесь тишь нарушает топор?

Что ж бензопилы
Грызут здесь стволы, грохоча?
Падает кедр,
Человеческим криком крича!

Рушатся ели,
Раскинувши руки в снегу!
Клонятся сосны,
На милость сдаваясь врагу.

Но беспощаден к ним враг —
Все грохочет пила,
Рубит топор —
Вот еще одна, видишь, гола

Стала гора.
Вдоль по мертвому склону одни,
Свежей смолою сочась,
Возвышаются пни.

Родина милая,
О Белогорье-страна,
Словно бы женщина,
Нами ты осквернена.

Кто ж защитит твою честь,
Кто на помощь придет?
Низко над склоном
Натужно ревет вертолет,

Легких опилок
Взметая желтеющий прах.
Это начальство
Летит на охоту в горах.

ГОРЬКИЕ ДУМЫ

Что ты нахмурился, брат,
Отчего загрустил,
Не оттого ль, что туман
Все дороги укрыл?

Право, не стоит!
Ну пусть он в низинах лежит.
Ведь все равно
По-над тучами солнце горит.

Горькие думы...
Но что они? — Только туман.
Ветер проснется
И туч уведет караван,

Солнце проглянет —
И скоро рассеется он,
Снова заблещет
И ясен и чист небосклон,

Снова печали твои
Поразвеются все,
Вновь засияет земля
В своей вечной красе.

НЕ ВЫРАЗИТЬ

Облака меняют что ни миг
Все оттенки солнечного спектра.
Спортивная площадка.
Гулкий мяч. Громкий детский крик.
Порыв упругий ветра.
Шум и смех. Последний день весны.
Все цветет. Земля давно прогрета.
Лица встречных девушек нежны.
Впереди уже маячит лето.
Все звончей поет по венам кровь!
Кем, за что даровано мне это?
Как мне к миру выразить любовь? —
Нету слов таких и красок нету!

ОСЕНЬ НА КАТУНИ

Свою душу лечу,
На катунском живя берегу,
Древним обликом скал,
Крепким духом сосновой смолы,
Золотою листвою берез,
Блеском рос на лугу,
Песней той, что поют
День за днем мне речные валы;
Трубным ревом маралов,
Летящим над горной грядой,
Блеском снежных вершин,
Просиявших навстречу лучу,
Этим небом родимым
С промытой его синевою,
Единеньем с природой
Усталую душу лечу.

Ах, какой здесь покой,
покой,
Воздух осени чист,
чист.

Тишина...
даже слышно порой,
Как звенит, облетая, лист.

Вы, учившие меня жить,
Самозванные учителя,
Поправлявшие меня каждый миг,
Сторожившие каждый мой шаг,

Как легко я сумел забыть
Шелуху ваших слов пустых,
Благоглупостей жалкий прах! —
 Вольный ветер вдохнул мой стих,
 Снова дом его — вся земля!

Я и сам не знал, как нужна
Мне была эта тишина,
Эта осень, —
 я сам не знал,
До чего я устал
 От бессмысленных дрызг и склок,
 От никчемности споров-ссор!
Даже странно теперь,
 как мог
Так я жить до сих пор!

Ну да хватит стыдить себя —
То, что было, — прошло!

До чего в эти дни сентября
В прикатунских лесах хорошо!

Нет, не весь мною пройден путь! —
Пусть былое мы не вернем,
Но колотится сердце в грудь,
Опалает ее огнем:

Делай дело!
 Теперь! Сейчас!
Для него ты пришел на свет!
Коль поэт в суете погряз,
То ему оправданья нет!

Что ссылаться на трудный быт,
Что впустую на жизнь пенять! —

Слишком быстро время летит,
Чтобы даром его терять!

Да и впрямь,
Разве дети мои голодали хоть раз!
Хватит трусость свою
Прикрывать мне заботой о них,
О жене!..

Что с того,
Что не будет в квартире у нас
Ни хрустальной посуды,
Ни ярких ковров дорогих!

Не затем я рожден,
Чтобы в дом свой тащить барахло.
В этом нет похвальбы!
Хоть и поздно,

но смог я понять
Чувство то,
что томило меня,
Чувство то,
что звало
Возвратиться сюда,
Чтоб над быстрой водой постоять.

Вот единственное из лекарств!
От раскидистых сосен
Смолистый плывет аромат.
Окружает меня тишиной
Золотой листопад,
Тонет взгляд мой
В распахнутой шири
Безбрежных пространств.

Я вернулся к себе.
Я опять обретаю себя.
Я еще пропою как хочу,
Так, как я лишь могу!
В эти ясные-ясные
Светлые дни сентября
Свою душу лечу,
На катунском живя берегу,
От пустой суеты,
От никчемных соблазнов лечу!..

ОТ ЧЕГО Я УМРУ

Сердце, мне в ребра звенящее,
Все моложе оно что ни год.
Солнце восходит горящее,
Розов и ал небосвод.

Большей не надо мне радости,
Чем видеть его поутру.
Нет, я умру не от старости,
От восхищенья умру!

УТРЕННЯЯ ПТИЦА

Темнота предрассветная страхов полна,
Мир застыл в тишине неживой.
Но постой, видишь, ветка качнулась одна,
Задрожала без ветра листвою.

Это первая птица проснулась. Она,
Утолив свою жажду росой,
Приготовилась петь. Миг — и песня, вольна,
Над чащобой взмывает лесной.

И, заслышав ее, пробуждается лес,
И рассвет заливает просторы небес
Животворным потоком огня.

И ликуют, ликуют родные края!
О, когда б хоть единая песня моя
Стала песней рождения дня!

АЛТАЙ — ГИМАЛАИ

*Святославу Рериху, художнику,
великому сыну России и Индии*

Где Гималаи
космоса коснулись,
есть Индии жемчужина —
Кашмир.

Здесь древние религии
сомкнулись,
здесь Рерих постигал
глубокий мир
легенд и притч,
лучистых откровений,

святых пророчеств,
огненных идей,
здесь разница
религий и молений
людей не отделяла
от людей...

Одно
наивной прелести сказанье
гласило:
Будда, прозванный святым,
душой услышав
свыше предсказанье,
шел по горам
Алтая золотым,

и —
утверждало
звездное преданье,—
в единое сведя
и сердце и Добро,
священное
таинственное званье
к пророку
на Белухе снизошло...
К подножью
несказанного Алтая
разноязычный
люди мольбы понес...

Связала притча,
горы облетая,
Алтай и Гималаи
нитью звезд.
Разумное пространство
бесконечно,
белки хребтов
сквозь облака видны,
идея Мира
торжествует вечно,
соединив
две горные страны!

Слова «Судур»¹, «Сумер»² —
азы в алтайской речи
взлелеяны как чистые слова.

¹ Судур-сутра — книга сокровенного знания (санскр.).

² Сумер — священная вершина (санскр.). Белуха по-алтайски — Юч-Сумер, Три Священные Вершины.

Они мудры,
хоть разум человеческий
в печали

различает их едва.

Но, связанные
вечной сутью этой,

потоки мысли,
устремляясь ввысь,

Алтай и Гималаи

над планетой

как памятники

Дружбы вознеслись.

Алтай и Гималаи...

Горный воздух,
священный вне начала

и конца,

огнем,

зажженным на далеких

звездах,

вновь освещает

добрые сердца.

АЛТАЙ-ШАМБАЛА¹

Нет у меня ничего,
кроме сердца.
Но в нем —
жертвенный символ любви —
Алтай-Шамбала,
в синюю твердь головами
ушедшие горы,
все сотворенное — люди,
земля и природа,
мать,
дитя,
подруга и друг,
что судьбой суждены,
судьба, что для чистых
дел суждена...
Считайте теперь:
много иль мало...

¹ Ш а м б а л а — по легенде, заповеданное светлое будущее.

ФИКРЕТУ ГОДЖЕ, ПОЭТУ,
МОЕМУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМУ ПОБРАТИМУ

Ты —
из Стана Огня¹.
Я — Матери-Пламени² сын.
Ты —
с Кавказа алмазного,
я — с алтайских вершин.
Тюркской речи твоей
незапамятен древний исток.
Хагани, Физули,
ювелиры божественных строк,
создавали ее
из пощелкивань
СОЛОВЬЯ.

Золотым молоточком
речь ковалась твоя.

Мой же тюркский язык
в языческом древе возник.

Безымянный кайчи,
грозы и ручья ученик,
на топшуре
на ощупь
слова языка подбирал...

¹ Азербайджан — Страна Огней.

² Мать-Пламень — божество огня у алтайцев.

Кедр небесный
мне прадеда речь навевал...
Побратим мой,
Фикрет,
ты наследник поэтов-царей.

Ты рожден,
чтобы, музыку слов
продолжая,
наследство беречь.

Я — из недр заповедных.
Речи созвучна моей
органность комуса,
топшура щемящая речь.

Ты —
из Стана Огня.
Я — Матери-Пламени сын.
Ты —
с Кавказа алмазного,
я — с алтайских вершин.
Но Поэзии Пламя
опалило тебя и меня.
Оба мы по рождению
и делу —
дети Огня.

**МАХМУД ЭСАМБАЕВ
В ТАНЦЕ «ЗОЛОТОЙ БОГ»**

Взлетевшие волны, замрите...
Взъяренные ветры, замрите,
огромные горы, глядите,
укромные звезды, внемлите:
все созданное оживляя,
все сущее обожествляя,
восходит из глуби Вселенной
Бог Солнца,
Отец наш нетленный...
Бог Золотой.
Воплощение сущности света,
пальцы-лучи
касаются сути предмета,
вновь оживает предмет,
сотворенный при этом,
переполняясь лучистым
мерцающим светом...

Всякая жизнь —
это гимн Божеству Золотому,
гимн поклонения
существованью святому:
Солнце восходит с улыбкой —
ликует держава,
богу подвластная, —
Солнцу осанна и слава!

ЛЕТО В ГОРАХ

Между гор
И солнечно и знойно,
И сверкает
Бликами река.
Словно стадо сытое,
Спокойно
По небу гуляют
Облака.

На аилы
Солнечные струи
Льются с неба,
Словно благодать,
И сверкают
Свадебные сбруи —
Летом свадьбы
Хорошо играть!

ПАНИ МАРИЯ БИСЛОВА

В Богемии, ухоженной и солнечной,
Весенним утром Пльзенем идет —
Прекраснейшая женщина-сирена
С волшебным голосом,
с улыбчивым лицом.

Распущенные волосы взлетают
И по плечам бегут и по предплечьям.
В одной ее руке цветы и сумки,
В другой руке — два крепких поводка:
Породистые крепкие собаки
То прыгают вокруг, как бы танцуя,
А то, в глаза заглядывая, ищут
В них одобренья и бегут вперед.

Со встречаемыми здороваается ласково,
Счастливая — и солнцем, и работой,
Она идет как символ плодоносной
Богемии!..

Она идет к нам в гости.

...Пани Мария к нам приходит утром
И говорит смущенно: «Ах, простите
За то, что я пришла без приглашенья,
Без приглашенья, просто так пришла».
Пани Мария, ах, пани Мария,
Превыше красоты в вас обаянье —
Вы так приветливы, чистосердечны,
Что мы уже навек покорены.

...Потом мы кофе пили в вашем доме,
Как дома у себя. Гостеприимством
Пани Мария всех нас окружила,
И мы забыли, что сидим в гостях,
В другой стране.
Ирина, поэтесса,
Развеселилась так, что в позу йоги
Внезапно встала: ноги вверх взлетели,
А юбка вниз, как лепестки, опала
И голову укрыла поэтессе...
(Она когда-то вылечилась йогой.)

А сколько было шуток, сколько смеха
В чужой стране, в гостях... Пани Мария,
Вы были воплощением Богемии,
Ее душой и плотью.
Как магнит,
Нас к вам влекло, и мы друзьями стали.

Мария, будьте счастливы! Мария!

ПИСЬМО БРАТЬЯМ В КАСПУ

Дорогие мои, милые братья,
Как живете вы там, на стоянках?
И в порядке ли кошары и загоны?
И тепла ли — с ноготок —
Избушка ваша?
А зима холодной нынче будет,
Говорят, по всем приметам и прогнозам.
Хватит сена до весны у вас?
Я знаю,
Как непросто достается это сено.

Знаю я: алтайцы не лентяи.
Мне в работе бы сноровку вашу,
Мне бы вашу истовость, характер.

Есть у нас охотники до сплетен:
Свой народ
Смешать готовы с грязью,
Говорят: алтайцы все лентяи.
Много знает этот доброхот...
Он попробовал бы сам
По крутосклонам
Походить за овцами в морозы.
Походил бы с братьями моими
Хоть денек, когда мороз за сорок,
Ветер ледяной,
Как пламя, лижет
Щеки... Хоть денек.
А они — годами на стоянках,
В островерхой юрте ли, в избушке.

Нет, алтайский род не пустоцветом
И не зря он на земле живет.
Перенес великие лишения,
Он созрел теперь и закалился,
Видел то, что видеть
Очень больно,
Сделал все,
Чтоб крепким, сильным быть.
Не лентяи — мастера в работе,
И на празднике мы не тихони,
Знаем, как сплясать,
И спеть умеем, —
Мы гулять умеем от души.

Дорогие мои, милые братья,
Там, в родимых стоянках Каспы,
Пусть пребудет удача с вами.
С вами
Дух наш алтайский всегда.

ЧЕГО Я ХОЧУ

Вот на стол я голову кладу,
шевелия губами, как в бреду,
все одно и то же
я шепчу.

Мне вскочить бы,
крикнуть — на весь мир,
оглушая, — крик пусть на весь мир:
о, чего,
чего же
я хочу?!

Мудрые,
могли б ответить вы
сыну пастуха с Алтайских гор,
о, чего,
чего же
я хочу?!

Вот — по жизни иду,
вот — страдаю, ищу.
А чего же я жду?
А чего я хочу?

Что я за корабль?
Где мой маяк?
Для чего рожден я?
Кто я?
Что я?

Я иду по земле,
как живой стоязыкий костер,
пламя рук своих ввысь,
в жаркий пепел сгорая,
простер.

Весь я, люди,
любовь и доверье,
всех в объятья
готов заключить я.

Что с того,

коль подчас

я, как дети, наивен и прост?

Называйте меня

человеком,

упавшим со звезд!

Надо мной посмеетесь беззлобно —

я с вами, смеющийся, вместе,

надо мной надсмеетесь жестоко —

себя не унижу до мести.

Вон зажегся в грядущем
прожектора свет,

он ко мне дотянулся
сквозь множество лет.

Как по белой дороге,
иду по лучу.

Вот в чем счастье мое!

Вот чего я хочу!

КАТУНЬ

Алтай — хрустальный храм святого света,
Тысячечосая Катунь моя...
Великая Белуха в шапке снега,
Как аксакал, на страже бытия.
Земля отцов, священный, поднебесный,
Орлиный и кедровый милый край,
В моих ушах — твоих потоков песни,
В моей душе — твой голос, мой Алтай.
И воды горных рек звенят как струны,
И кедры гор крепки и высоки,
Но вот... уже ползут к моей Катунь,
Ползут чугуноглавые враги.
Откуда вдруг смертельная беда?
И кто это? Неужто это люди?
Им все равно, что кедрочей не будет.
Что станет здесь отравленной вода!
Без доброты нет ни любви, ни веры,
А без любви земли не сохранить.
Восходят на трибуну браконьеры
И требуют реку загородить.
Катунь вскипает, брызгами взлетая,
Бела, чиста, игрива, высока!
Катунь звенит — святой родник Алтая,
Катунь — России горная река.
И по хребтам разросся Кедростан,
Тайга — молились люди ей и звери —
Великий дар! Его нельзя измерить.
Земной природой он для жизни дан.
Но падают под топорами тьмы

Могучие и солнечные кедры,
И плачут, плачут над Алтаем ветры,
Но мы не слышим. Глухи! Глухи мы!
Нигде запрета нет чугуноглавым,
Пустое сердце может все убить.
Для плана ли, для должности, для славы
Они готовы землю погубить!
Бумажной цепью оплетают душу,
Железной цепью закуют реку,
Они уже давно кедровник рушат
На древнем и священном берегу.
Качает землю карусель событий,
Взлетает стон из вековой тайги...
Сыны Алтая, встаньте, защитите,
Россия-мать, спаси и помоги!

БАЛЛАДА О ТРЕХ МАРАЛУХАХ¹

Живые безмолвные звезды
Заполнили небо ночное
Над горной уснувшей деревней,
Над крышами горных айлов
Огромные белые звезды,
Я вижу, шевелятся, дышат,
Над самой деревней нависли,
Внимательно смотрят на землю,
На горы... И в сердце мое.
О звезды далекого детства
Над горной моею деревней...
Вы всюду по жизни со мною
Пронесите призрачный свет.
...Мне видится утренний берег
Телецкого озера. Сумрак
Отходит рассветным туманом,
Густые кусты обнажая.
И мне начинает казаться,
Как будто в кустах облепихи
Не ягоды зреют, а звезды,
Полночные звезды горят,
Мерцают небесным свеченьем
И прямо глядят в мое сердце
Небесные, белые, близкие
Звезды с глазами людей.
...Я помню: в далеком детстве
Стою на дворе и мерзну.

¹ Маралуха — олениха.

Но глаз оторвать не могу я
От зимних морозных звезд.
И сердце мое замирает.
Дрожат они, Три Маралухи,
Дрожат, может быть, от мороза,
Дрожат, улетевшие в небо
Отсюда, с Алтайских гор.
Умчались они, спасаясь
От Каралдай-Мергена,
Охотника и злодея,
Убившего все живое
На нашей древней земле.
Но горы, Алтайские горы,
Спасли они трех красавиц,
Трех Маралух прекрасных,
Которые прыгнули в небо
С высоких Алтайских гор.
Охотник Мерген жестокий,
Злодей с волосатым сердцем,
Рожденный тьмой полуночной,
Пустил им вослед Стрелу.
Кровавой Стрелою¹ этой
Хотел он убить беглянок,
Но небо их защитило,
Летящих Трех Маралух.
Волшебны сказанья детства,
Волнующи и правдивы,
Как прежде, живые, в небе
Сияют Три Маралухи,
И до сих пор, я уверен,
Тень Каралдай-Мергена,
Лихого посланца ада,
Злодея кровавоглазого,
Скрывается на земле.

¹ Кровавая Стрела — Сириус (алт.).

...Любимые звезды детства...
В горной моей деревне
С крыльца начинается небо,
Лежит на скале луна.
Величественно сверкает,
Мерцая своими коронами,
Вечное, нерушимое
Созвездие Семь Царей¹.
И рядом со мной — Путь Снега²,
Белый, слепяще белый,
Как борода аксакала,
Уходит в простор вселенной
От крыльца моего.

Земные ученые люди
Еще ничего не знают
Про жизнь на других планетах,
Считают, что нет ее.
Что видят они в пространстве
Своими пустыми глазами?
Они ведь не видели ночью
Небо Алтайских гор.
А я после маминых сказок
В далеком и звездном детстве
Касался руками неба
И жил среди дальних миров.
С той давней поры я знаю,
Что где-то в просторах Вселенной
Живут и глядят в мое сердце
Звезды с глазами людей.

¹ Семь Царей — созвездие Большая Медведица (алт.).

² Путь Снега — Млечный Путь (алт.).

АЛТАЙ-БУЧАЙ

Как приеду из города
В горы родные,
Как пройду по мосту
Над Катунью-рекой,
И услышу теченья знакомые звуки,
И почувствую вдруг,
Что за горной грядою,
За высокой Белухой,
У ярких снегов
Неподкупные витязи древних сказаний
Обитают
В своей заповедной стране.
Благородные, мудрые,
Вечно живые,
Наблюдают за нами,
Сочувствуют, помнят,
От беды
В роковую минуту спасут.
И однажды, я знаю,
Наступит прозренье,
Приготовлюсь я в путь,
Соберу арчимак¹,
И по узкой тропинке
Над ущельем пройду я
В заповедную горную чудо-страну.
Отыщу я седого Алтай-Бучая,

¹ Походная перекидная сума.

Прикоснусь я
К мечу его светлому лбом,
И мой мозг
Завладеет великим познанием,
Станет углем пылающим
Сердце мое.
И слова мои,
Ныне простые и скромные,
Станут звучными
И полетят над землей,
Над родимыми кедрами,
Над ущельями скальными,
К недоступным снегам алтайских вершин.

ЖЕНЩИНА

Как ребенок, ласкова женщина,
Как ребенок, доверчива женщина,
Как ребенок, восторженна женщина,
Как ребенок, игрива женщина.

И на боль, и на лишения,
И на муку, на унижения
И на смерть, на самосожжение,
Если любит, способна женщина.

Притвориться может сговорчивой,
Притвориться может незнающей,
Притвориться может забывчивой —
От любви своей может женщина.

Ошибешься — простит тебя женщина,
И споткнешься — простит тебя женщина,
И обидишь — простит тебя женщина,
Если любит, простит тебя женщина.

Женщины — это прощение,
Женщины — это прощание,
Женщины — очищение,
Женщины — обещание.

Незагаданной, необещанной
И судьбою мне не завещанной,
Я целую ладони женщине,
На коленях стою пред женщиной.

А она — это утро ясное,
А она — предсказанье вестное,
И наполнена светом женщина,
И любовью вся опоясана.

СОЛНЦЕПОКЛОННИК

На коленях стою.
Над Алтаем восходит светило.
На коленях стою
И молитву свою возношу.
На высоких горах
Родила меня мать и взрастила,
На алтарь перед солнцем
Я сердце свое возложу.

Дети солнца, алтайцы,
Рожденные в поднебесье,
В наших душах оставило солнце
Свой огненный след,
Он — на наших тропинках,
Он — в наших аилах и песнях,
И в глазах наших женщин
Горит и горит этот свет.

Я мальчишкой за старенькой юртой
Молился светилу,
Я стоял на коленях,
Молитвенно руки сложив,
И оно над Алтаем
Божественно восходило,
Я тогда уже знал,
Что под ним буду счастлив и жив.

Наше солнце — любовь,
И навеки любовь нам завещана,

Как воды из горных снегов,
И цветок его, яркий,
Малиново-алый
И мохнатый, как шмель,
Поклоняется мне.
И опять где-то там,
У вершины далекой,
И призывно, и яростно
Рявкнул куран¹,
Переполненный юною жизненной силой.
За горами сокрылось
Вечернее солнце,
Но нагие бока этих мраморных скал
Ярко-алы,
До самых прожилок светлы,
Берегут, сохраняют свеченье заката.
Над ущельем
Земляк мой, мой беркут парит.
Мой гнедой иноходец
Спокойно шагает
По крутой и по узкой высокой тропе,
По скалистой тропе
Моей горной судьбы.

¹ Куран — самец косули (алт.).

ОСЕННЯЯ КАТУНЬ

Ранним утром,
Когда были темными кедры,
Трепетали березки в рассветной тиши
И осенние алые листья роняли,
И порывистый ветер
Подхватывал их,
Я увидел,
Как будто увидел впервые,
По ущелью
Бегущую к морю Катунь.
Далеко подо мною, под горною кручей,
Я увидел свеченье родимой реки.
Мне казалось,
Что там, под горою, сияет
И слепит меня
Зеркало горной царицы,
Пролежавшее в древнем кургане века.
А Катунь
То светилась доверчиво-синим,
То горела
Тревожно-зеленым огнем.
И в зенит поднялось мое горное солнце,
Но, как прежде,
Неслышна,
Легка и светла,
Уходила, спешила к далекому морю,
Проноса сквозь столетья
Студеные воды,

И чиста,
И Алтаю верна, как горянка,
Моей жизни река, моя песня — Катунь.
Что за тайны
Несешь ты к далекому морю?
Что за тайны
Скрываешь в студеной воде?
В этом месте
Течение становится тихим,
Не гремит, не бурлит, не бушует река
И бесшумно уходит,
Спешит в бесконечность
И уносит с собой вековечные тайны,
Не шепнет ни словечка
В рассветной тиши.
Но я знаю:
От чистой и светлой Катуни
По утрам зажигается горный рассвет,
Но я знаю:
От чистой и светлой Катуни
И чисты, и доверчивы наши сердца.

ЧАБАНЫ

Я скромный сын чабанского народа.
На летних пастбищах,
Где так пахучи травы,
Моя душа становится свободной,
Я обретаю вновь
Величье духа,
Там, где поток беснуется,
Грохочет,
Где чабаны от солнца и от ветра
Коричневы
И так неустомимы...
Где изгородь и куча перегноя,
Избенка там и юрта приютились.
Огромные чабанские овчарки
Меня издалека встречают лаем,
И вот тогда навстречу мне из юрты
Не торопясь мои выходят братья,
Меня, как брата, в юрту приглашают.
И напоят живительным айраном¹,
И угостят пахучим крепким чаем
С талканом², чуть подсоленным, румяным.
И, глядя на очаг знакомой юрты
И глядя на мерцающие угли,
Я буду слушать тихую беседу,
Спокойный говор чабана седого.

¹ Айран — напиток наподобие кефира (алт.).

² Талкан — толокно из жареного ячменя или пшеницы (алт.).

И этот разговор меня излечит
От всех недугов, видимых и тайных,
Как будто дух высоких гор родимых
В меня вдохнет неведомую силу.
И мой родной высокогорный воздух
Закружит мне и голову,
И сердце,
Наполнит душу мне святым покоем,
Которого мне не хватает в жизни.
...Потом из юрты выйдут, провожая,
Мои родные чабаны-алтайцы.
И женщины, и дети встанут рядом.
И скажут, чтоб я маме поклонился...
И я приду, я поклонюсь ей в ноги
И край ее одежды поцелую.

МОЛИТВА ДУХУ АЛТАЯ

Мы, алтайцы, горам поклонялись
И кедрам
И к ветвям на деревья
Привязывали лоскуты,
Преклоняли колени пред нею,
Богатой и щедрой,—
Перед родиной,
Перед величьем ее красоты.
Мои дальние предки когда-то
Боялись природы
И молились огню
И ветрам
На высокой скале.
Но в душе своей мудрость
Всегда сохраняют народы,
И священный огонь
Озаряет дорогу во мгле.
Мы, алтайцы, молились горам,
Наши горы седые
Защитить нас сумели
От вражьих мечей и оков,
Неприступною крепостью встали
Утесы крутые
И кипучие реки,
Уносящие в бездну врагов.
И заторы на тропах,
И груды камней на стремнинах...
Содрогнулся и встал на дороге
Незванный, чужой.

Сто великих препятствий
Приготовил Алтай мой орлиный,
Не прошел по горам
Чужеземец
С черной душой.

Это наши отцы,
И они неприступны и горды,
Это наши спасители,
Боги, пришедшие к нам,
Молчаливы они —
С великаньими ликами горы,
И народ мой вовек
Благодарен и предан горам.
Я не знаю, не знаю,
Мы жили бы ныне,
Сохранились бы мы
В круговерти суровых веков,
Если б не было с нами
Наших гор — неприступной твердыни,
И кедровой тайги,
И Катуня крутых берегов.
Все мы помним сегодня,
Что с нами твердыня святая,
И тайга, и потоки
Из чистых снегов с высоты,
Все мы молимся нынче
Великому Духу Алтая,
Чтоб кедровник шумел,
Чтобы реки остались чисты.
Там, на скалах, архары,
Мне хочется слышать их топот,
Пусть и ирбис¹

¹ Ирбис — снежный барс.

Не будет испуган
И загнан людьми...
По утрам в своем сердце
Я слышу волненье и шепот,
Это к родине слово,
Встревоженный шепот любви.

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

Я в юности был летящим
И яростным сыном солнца,
И с сердцем, раненным молнией,
По миру я проходил.
Я огненным был маралом,
Я был переполнен любовью,
Душа дышала и сердце
Горной моей тайгой.
Как марьин волшебный корень,
Задумчиво рос я в почве,
Как ветер вершин Алтая,
Взвивался я к облакам.
Минули годы над миром,
Моя голова побелела,
И мне теперь захотелось
Стать прозрачным дождем,
Весенним и очень добрым,
Который хлеба орошает,
Который наполнен солнцем
Горных моих вершин.
Хочу быть дождем, летящим
В воды моей Катунь,
В воды бурливой Бии,
В кедровые леса.
И пусть дождю улыбнется
Белобородый алтаец
И скажет, что это солнце
Сегодня плачет, смеясь.
Над гордым Алтаем Горным,

Над всем святым его станом,
Над белыми чистыми водами,
Над кедровою тайгой
Качаются, и сверкают,
И парят по-орлиному
Легкие и прозрачные
Солнечные дожди.
От них хлеба тяжелеют,
Становятся ярче травы,
И горный корень бессмертья
Восходит от этих дождей.

ЛЮБОВЬ

По ночам,
Словно ангел крылами шурша,
Я лечу, я склоняюсь к вершинам Алтая,
Я вдохну его воздух
И сердцем оттаю,
И опять обретает
Величье душа.
И я вижу: туманов исчезли слои,
И полночные черные тени пропали,
И как гнездышки ласточек к склонам припали,
Приютились родные селенья мои.
И промытый, пронизанный ливнем и солнцем,
Мой аил примостился у скальной гряды,
И орел распростер свои крылья бессонно.
И чисты и безмолвны и скалы, и льды.
И родятся батырами дети грудные,
И рождаются беркуты в этом краю,
И томленье грядущего, горы родные,
Вы вложили в смятенную душу мою.
Я предвижу людей двадцать первого века,
Я их чувствую, чистых, как горный ручей...
Мой Алтай! Ты — судьба моя, слово и эхо,
Ты невидимый свет моих дней и ночей.
Мне так трудно писать от слепящего света,
Он прозрачно-спокоен, и мягок, и строг,
И слова, и величье грядущих поэтов
Разрушают, врываюся в строй моих строк.
Я влюбляюсь, и я так измучен любовью,
Потому что любовь, что в грядущем придет,

ГОРНАЯ БОГИНЯ

Поэма

Женщины, живущие в горах,
Женщины в аилах, на стоянках,
Женщины в селеньях, рядом с нами,
Вам готов отдать я
Жизнь и сердце,
Душу беспокойную свою.
Жертвенные женщины Алтая,
Матери,
И бабушки,
И сестры,
Славлю
Ваши маленькие руки,
Потемневшие под горным солнцем,
Эти руки
Вечно держат ношу,
Тяжкую, как горная зима.
И несут ее через ущелья,
Нас,
Своих детей, оберегая,
Возвышая нас
Своей любовью.
Женщины алтайские,
Родные,
Славлю
Ваши ясные глаза,
Жгучие,
Чуть суженные к скулам,
Видеть сквозь года они умеют,

Сквозь снега
И горные метели
Могут разглядеть они дорогу,
Трудную,
Но верную тропу.
Женщины сурового Алтая,
Если вспомнить прошлые века,
Труд и беды нашего народа,
Вы, с душою светлою алтайки,
Скольких вы беспомощных младенцев,
Будущих охотников великих
И бесстрашных
Воинов-героев
Или чабанов неутомимых,
Вырастили на руках своих.
Скольких излечили от недугов
Воинов, израненных в сраженьях
С полчищами
Черных чужестранцев,
Набегавших в горные края.
Скольких вы уставших накормили,
Скольких вы замерзших обогрели,
Сколько вы любили и страдали,
Вынося и муки, и обиды
Даже и от нас, от ваших близких,
От любимых ваших
И родных...

...Это было в год, когда по тропам
Кони революции скакали.
Это было жгучею зимою
В давнем восемнадцатом году.
Пробираясь по снегам глубоким,
На ветру, по скальному ущелью,
Не страшась трескучего мороза,
Не боясь полуночной дороги,

Женщина с двумя детьми брела.
На спине один — он был привязан,
На руках — второй дремал ребенок.
Согревая мерзнущие руки
Частым и прерывистым дыханьем,
Женщина, шатаясь, пробивала
Мерзлые глубокие снега.
То брела ночной дорогой зимней
Сквозь лихую ветреную стужу
В ту былую пору — молодая —
Бабушка любимая моя.
А отца двоих детей бандиты
Перед тем допрашивали долго,
Мучили его, ножом кололи,
Требовали, чтобы он признался,
Где, в каком заветном, тайном месте
Он запрятал золото в горах.
Золото...
Лишь золотое сердце
Да Алтая солнце золотое
Он имел в своем краю таежном,
В горном и заснеженном краю.
Их стояло четверо на склоне.
С красными повязками на шапках
К нам они пришли, как партизаны,—
Четверо зажиточных и наглых
Жили в русской небольшой деревне,
На соседнем склоне за ущельем.
И за дедом за моим явились,
Матерились, стискивая зубы,
Щелкая затворами винтовок:
— Где ты спрятал золото, гадюка?! —
Он смотрел на сумрачное небо,
Он стоял над снежной могилой,
Сам себе могилу эту вырыл
Под сухое щелканье затвора...

Спину распрямил мой дед спокойно,
Бросил в снег ненужную лопату.
И ударил, грохнул подлый выстрел
Золотоискателей кровавых.
Непростым, нелегким было время,
Разные бывали партизаны,
Прикрывались именем России,
Нашей братской Родины великой.

С той поры
На этом самом месте,
Где мой дед
Бандитами расстрелян,
Каждый год
Пшеница колосится,
Золотом
Сверкая на рассвете,
Золотом,
Которого бандиты
Не смогли найти в горах Алтая.
И волнами
Пробегает ветер
По хлебам.
И светлую печалью,
Кажется, пронизан шелест ветра
И колосьев
Неумолчный шепот.
Мать моя мне место указала,
Где свершилось
Дело роковое,
Показала молча
И спокойно.
Только возле глаз ее
Усталых
Пролегла еще одна морщинка.
Женщины алтайские издревле,

Сызмальства приучены к терпению,
Жаловаться,
Хныкать —
Не умеют.
Впрочем, как и дети. Как мужчины.
Это в нас воспитывают с детства.

...Тридцать третий год.
У нас — коммуна
Убирает хлеб.
На знойном поле
Женщина-алтайка огневая
Быстрыми
И ловкими руками
Всё снопы сверкающие вяжет,
Обгоняя молодых подружек.
То — опять моя родная бабка,
Та же,
Что прошла по снежной ночи,
Что детей своих
Поднять сумела.
Знаю я: ее тогда избрали,
В те года,
Народным депутатом.

...Времена войны. Жестокий голод.
Бабушка моя, моя родная,
Помните ли вы лихое время?
Вас теперь уж нет на белом свете...
Я тогда был мал еще, не помню,
Как стоял я на крыльце высоком,
Дул в лицо мне
Свежий ветер марта,
Горный ветер с ледяным дыханьем.
Я стоял босой
И улыбался.

Вы с моею старшею сестренкой
Уходили за гору,
На пашню,
Чтобы отыскать,
Найти колосья,
Те, что только-только обнажились
Из-под снега, стаявшего за день.
Помню:
Вы подходите, смеетесь,
Радуюсь,
Мне новость говорите,
Что сегодня удалось собрать вам
Зерна хлеба
В небольшой мешочек...

Помню, как вы кобылиц доили,
Помню чаши, полные кумыса,
Я любил скакать на кобылицах,
Стоя
На широком конском крупе.
Бабушка любимая моя,
Помню я,
Как вы мне говорили:
Как бы ни скакал я, ни носился
На коне
По нашим горным тропам,
Должен знать и помнить я,
Что кони —
Это наши верные кормильцы,
Это — дар великого Алтая,
Дар неповторимый
И бесценный,
Должен знать я,
Что нельзя ударить
Никогда
Коня по голове.

Это — древние законы предков,
Вековая заповедь Алтая,—
Помню, вы тогда мне говорили,
Бабушка любимая моя.

Помню, вы меня весенним утром
За руку за юрту уводили,
Ставили тихонько на колени
И учили
Складывать ладошки
И произносить молитву солнцу,
Бабушка, учили вы меня.
— Мы, алтайцы, дети звезд и солнца,
Мы тебя, о солнце, вечно любим! —
С той поры,
С тех детских слов далеких
Весь мой путь
По горным тропам жизни —
Это та же самая молитва,
И она —
Длиною в жизнь мою.

Лютовали,
Проходили зимы,
Но как только лето наступало,
Из-за гор верхом скакали гости
И вокруг у очага садились,
Пиалы с айраном поднимали
И пивали жгучую араку...
И пылал очаг,
И пели гости.
Хлопотали вы и улыбались,
Бабушка любимая моя.
Вырос я под вашими руками,
С детства
Ел я творог белоснежный,

Пил я чаши чистого айрана,
Я скакал
На кобылицах пегих,
Так напоминающих окраской
Снежных барсов Горного Алтая,
Ирбисов
С высоких Чуйских гор.

Женщины, живущие в горах,
Женщины в селеньях, на стоянках,
Женщины в аилах, рядом с нами,—
Ангелы алтайского народа,
Божьи птицы наших белых скал.
Мамы наши,
Бабушки родные,
Старшие
И маленькие сестры,
Где б ни приходилось мне бывать,
Всюду
Слышу я родную песню,
Песню горной женщины-алтайки.
Эта песня жизни и любви
Для меня была и колыбельной,
Праздничной бывала
И прощальной,
Эта песня женщины-алтайки
С детских лет
Мою волнует душу,
Быстрая
И легкая, как птица,
Длинная
И древняя,
Как тропы,
Как дороги наших снежных гор.
И звучат на свадьбе эти песни,

Свадьба —
Праздник женщины-алтайки,
И летит под снежные вершины
Песня жизни, радости, любви,
Длинная,
Как горная тропинка,
Звонкая,
Как эхо над ущельем,
Древняя,
Как скальные утесы,
Чистая,
Как горная река.

Жертвенные женщины Алтая,
Матери,
И бабушки,
И сестры,
Славлю ваши добрые сердца.
Каждая из вас
Горячим сердцем
Согревает в стужу дом родимый,
Это только женщина умеет
Сохранить огонь,
Не дать погаснуть
Пламени в домашнем очаге.

Высоко в горах живет алтайка,
Волосы ее совсем седые,
Темное лицо ее в морщинах,
Ветры гор состарили ее.
Много лет назад, я это знаю,
Чабаны в горах слагали песни
И легенды светлые слагали
О ее волшебной красоте.
Годы мчались быстрой чередой,
Муж ее погиб на перевале...

На руках у женщины остались
Семь сыночков, крошек-малышей.

Годы шли.
Она дрова пилила,
Всё — одна, двуручную пилою,
От рассвета и до поздней ночи
Стоговала высохшее сено
И детей лечила от болезней,
Согревала их в лихую стужу.
От волков отару сберегала
И учила разуму ребят.
...Землепашец, воин, и ученый,
И чабан, и музыкант великий,
И поэт старуху навещают
И целуют трудовые руки,
Руки матери своей целуют
И седые волосы целуют
Семь ее алтайцев-сыновей.

На траве тайги
Лежит роса,
Чистая,
Как слезы наших женщин,
У скалы над пропастью стоит
Белая пушистая березка,
Тонкая,
Как женщина-горянка.
Между скал,
В ущелье,
Есть родник,
Я смотрю в него и удивляюсь:
Он — глубокий, как глаза алтайки...
И на чистой глади родничка
Вижу я тревожное мерцанье,

Слабый отблеск
Внутреннего света
И налет прозрачной светлой грусти,
Будто это не родник в ущелье,
А алтайской женщины глаза...

Помню я, мне как-то довелось
На пастушьей побывать стоянке
За далекой горною грядой.
Дождь холодный, нудный моросил.
Под ветвями лиственниц могучих
От дождя отара укрывалась,
Овцы и стояли, и лежали.
А поодаль, на краю тайги,
Как сердечко, приютилась юрта...
Шелестел по крыше юрты дождь,
В очаге пылали угли ярко,
Мальчик сел напротив и смотрел,
Как мерцали, вспыхивая, угли,
И, рукой неторопливо глядя
Волосы блестящие его,
Молодая женщина-алтайка,
Вежливо беседуя со мною,
В этот дождь меня поила чаем.
— Это не беда, что нет отца,
Нет отца у моего сыночка.
Мама есть, а это поважнее,—
Говорила медленно она
И светло, и добро улыбалась,
подавая гостю пиалу.
Я глотками пил пахучий чай,
Я смотрел на женщину-горянку,
И казалось мне ее лицо,
Смуглое, спокойное, живое,
Ликом горной молодой богини,
Украшеньем этих древних гор.

Жизнью наших женщин, чистотой,
Их великой
Жертвенною правдой,
Красотою их неповторимой —
И мое взволнованное сердце
Навсегда,
Навек укреплено.
И пока они живут на свете,
И пока их солнечные души
Источают свет высокогорный,
Никакие беды и ненастья
Не сумеют совладать со мною,
Боль и счастье этих светлых женщин —
Это пламя сердца моего.

Где-то далеко, в стране заморской,
Есть на свете женщина-царица.
В злато-серебро она одета,
И прекрасна, говорят, она.
А у нас в горах, на той стоянке,
Где от морозящего дождя
Вся земля разбухла и размокла,
Там, в похожей на сердечко юрте,
Со своим мальчишкой загорелым —
Молодая мать у очага.
Вот она — с глубокими глазами,
Добрая, наполненная светом,
Это — прародительница рода,
Древних гор владычица святая,
Молодая горная богиня
Для меня — царица всех цариц.

Горный наш народ неутомимый
Матерью своей
Силен и вечен,
Матерью своею

Благороден,
Матерью —
И светел, и велик.
Женщины, живущие в горах,
Женщины в аилах, на стоянках,
Женщины в селеньях, рядом с нами,
Вам готов отдать я
Жизнь и сердце,
Душу беспокойную мою.
Жертвенные женщины Алтая,
Матери,
И бабушки,
И сестры,
Жены наши,
Дочери родные,
Вы — любовь,
И вы — начало жизни.
Женщина — начало всех начал.
Если будет женщина в аиле,
Пламя сохранится в очаге.

МЫСЛИ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Приморье. Тебя в ураган
Увидел я, помню, впервые,
Когда, потемнев, океан
Соленые глыбы литые
Под рев, грохотанье и визг,
Швырнувши на скалы сурово,
Размечет на тысячи брызг,
И вспять отступает, и снова,
Невиданной ярости полн,
Летит на гранитные стены!
И страшно от бешенства волн,
Покрытых лохмотьями пены...

Приморье. Но утром иным,
Я помню, иным ты предстало.
Сиял небосвод, а под ним
Зеленая бухта сверкала.
Горели в рассветных лучах
Валы, словно не бушевали.
И чайки, о чем-то крича,
Беспечно над ними летали.
То с плеском касались волны,
То в синее небо взмывали.
И нежности были полны
Куда-то зовущие дали...

Приморье. Какое же ты,
Каков же твой облик, ответь мне?
Сегодня — он знак доброты,

Вчера был угрюмее смерти.
Так я вопрошал, но в ответ
Волн шепот мне многоголосый
Сказал: — Ничего в мире нет
Бессмысленней этих вопросов.
В соленой купели родной
Мы вечны и неутомимы,
Но — чтоб оставаться собой —
Всегда изменяться должны мы!..

НАЗЫМ ХИКМЕТ

У Назыма Хикмета
Брови
Будто над синим морем
Стремительной чайки крыла.
У Назыма Хикмета в глазах,
Бесстрашных и веселых,
Весенняя
Расплескалась гроза.

Люди,
Чьи сердца никогда не знали свободы,
На годы
Посадили поэта в тюрьму.
Люди,
Чьи руки ничего не умели делать,
Руки его
В кандалы заковали.
Люди,
Чьи глаза никогда не видели света,
Света лишили поэта,
Бросили его во тьму.

Но в той тюрьме,
Где был Хикмет,
Находилась Турция
Самая высокая вершина.
Первою она
Встречала восходящего солнца лучи.

Орлы гнездились
На ее уступах.
Вольные люди
Жили в ее долинах.
Певчие птицы качались на ветках.
Журча, по камням
Чистейшие бежали ключи.

Но в той тюрьме,
Где находился Хикмет,
Самая большая река Турции
Брала начало.
Какие только рыбы
Не резвились в ее волнах!
Жизнетворная вода ее
Всеми красками
На заре полыхала.
Богатейшие урожаи
Собирали люди
На привольных ее берегах.

Но изнутри тюрьмы,
Где находился Хикмет,
Сквозь окно с решеткой,—
На все четыре стороны света
Ослепительное сиянье
Неудержимо лилось,
Проникая в сердца
 ко всем страждущим,
 ко всем борющимся,
 ко всем добрым людям
Нашей планеты,
Любые преграды
Пронизывая насквозь!

И они в ответ
Тоже тянулись
К этой тюрьме сердцами.
Как магнитом,
Сердце Хикмета
Притягивало к себе
тысячи,
сотни тысяч,
миллионы сердец.

И от их любви,
От их жара
Расплавилась тюремные камни,
Рухнули своды темницы —
И на свободу
Вышел поэт наконец.

Подобно древним
Витязям-великанам,
Он пошел,
Переступая горные хребты,
Перешагивая
Моря и океаны,
Ко всем континентам,
народам,
странам,
Достигая головою
Космической высоты.

Он и донныне идет,
Исполинской исполнен силы,
Не ведая страха,
Своим путем.
Кто говорит,
Что смерть его остановила,
Тот ничего
Не понимает в нем!

44
Ибо истинные поэты
Не знают смерти!

Стоит только глаза мне
Закреть на миг —
И я вижу:

 стоит Назым Хикмет,
 его окружают дети,
И он, улыбаясь,
Смотрит на них.

СТРОИТ ДОМ

Из-за перевалов

весенние дожди

накатываются, звеня.

Теплые редкие капли

запрыгали по улице,

блестя серебром.

Сенокос еще не начался.

Время есть и у тебя,

и у меня.

Все парни нашей деревни,

помогая друг другу,

возводят дом.

У большинства из этих ребят

отцы

не вернулись с войны,

Не видели,

как подрастают сыновья,

не играли с внуками их.

Они бы порадовались сейчас,

глядя,

как — удали полны! —

Их взрослые дети

выглядывают сруб

из стволов смоляных.

Растет наша деревня.

Все больше по дворам детворы.

Все чаще жаркие свадьбы

то там вскипают,

то тут.

Оттого-то всё стучат и стучат

от заря и дотемна

топоры,

Оттого-то,

свежим тесом светясь,

новые дома вдоль улиц

встают.

А около стройки шутки,

крики,

беспечный смех.

Быстро травы в лугах вырастают,

но стены растут быстрее.

Под навесом

жены и сестры

стол накрывают для всех.

А капли стучат все звонче,

все чаще и веселей.

Но дождь ли парням помеха!

На мокрых лицах горят,

Сверкают улыбки!

Ярко

белает шепя кругом.

Осталась сушая малость.

Уже стропила стоят!

Еще подналеечь немного —

и вот он,

готовый дом!

Я — ИЗ ОГНЯ

Я знаю: на свет я рожден был

Я знаю: стихией Огня!

Я знаю: не даром, не даром пришел я сюда!

Для жертвенной чистой любви
И святого труда.
С того-то, наверно,
всю жизнь

Гореть и гореть, не стораю,
и снова гореть.
мне пылать суждено,

Я верю: великое нечто свершить мне дано,
Такое, о чем БУДУТ долго
сказители петь.

Нет, Я не состарюсь вовек
молодою душой.

То пламя, что пышет в груди,
не потасят года.

О, как я хочу,
чтобы, голос заслышавши мой,

От вас, мои братья,
в испуге

Надежда и вера мои бежала вражда!

Упорный характер мне
закалились в огне,
в небе
ковала гроза!

Но скольким же людям
помочь еще надобно мне,

Чтоб мог, умирая,
умирая,
спокойно закрыть я глаза.

Одну только истину
всем и всегда я твержу:

Творите, держайте —
любой гениален из нас!

Закинувши голову,
в космос я звездный гляжу,
Откуда на землю
взирают собратья сейчас.

Я знаю: я с неба, как пламя, пылая, упал.

Я знаю: когда-то
как пламя я в небо уйду.

С любовью объятья
я людям всегда открывал,
В любом человеке
живую я видел звезду.

Я знаю: на свет я рожден был
стихией Огня!

Я знаю:
недаром,
недаром пришел я сюда!
Я знаю:
земля не напрасно растила меня
Для жертвенной чистой любви
И святого труда.

Вверх сердце мне —
И мы с тобой пойдем,
Исполнены
Любви и постоянства,
Тем звездным,
Тем сверкающим путем,
Чтобы услышать
Музыку пространства.

Вверх мне всю жизнь —
И мы с тобой пойдем
Небесными путями
И земными —
Любви во имя,
Радости во имя! —
Родней друг другу
С каждым новым днем.

СОДЕРЖАНИЕ

Перевод Г. Фролова

На древе поколений листок	3
Неистовый марал	4
Двадцать пять лет	7
В просторах гор	9
Сказитель, Козын-Эркеш и мы	11
Прикалунское	17
Жене	19
Сыну	20
В горах. Снежная весна	22
Думая о своей судьбе	25
Страна кедров — Алтай	27
Горькие думы	30
Я родился в кедровых горах	31
Не выразить	33
Осень на Катунь	34
От чего я умру	38
Утренняя птица	39

Перевод Р. Бухарова

Алтай — Гималаи	40
Алтай-Шамбада	43
Фикрету Годже, поэту, моему азербайджанскому поэратиму	44
Махмуд Эсамбаев в танце «Золотой бог»	46

Перевод Г. Исаева

Лето в горах	48
На Бегухе	49
Пани Мария Бислова	50
Виновен	52
Письмо братьям в Каспу	53
На берегу моря	55

Перевод И. Фомькина

Что я хочу	56
----------------------	----

Перевод В. Потиевского

Катунь	59
Бадлагада о Трех Марягухах	61
Алтай-Бучай	64
Женщина	66
Солнцелюбник	68
Иноходец	70
Осенняя Катунь	72
Чабаны	74
Молитва Духу Алтая	76
Солнечный дождь	80
Любовь	82
Горная богиня (Поэма)	84

Перевод Г. Фролова

Мысли на берегу океана	97
Назим Хикмет	100
Строят дом	104
Я — из Огня	106
«Верь сердце мне...»	109

Паскаль Самюк
(Василий Тордосевич Самюкос)
СОЛНЧНЫЕ ДОЖДЬ

Редактор А. М. Камыкин
Худож. редактор Д. С. Мухомин
Техн. редактор Г. В. Калининская
Корректор Н. Г. Худякова

ИБ № 5809

Сдано в набор 09.12.88. Подписано к печати 10.03.89.
Формат 70X108^{1/8}. Бумага офсетная № 1. Литератур-
ная гарнитура. Обеспечена печать. Усл. печ. д. 4,9. Уч.-
изд. д. 3,94. Тираж 3360 экз. Заказ № 876. Цена 45 коп.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский
писатель» 121089, Москва, ул. Вороньеского, 11. Туль-
ская типография Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете СССР по делам издательства, полигра-
фии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект
Ленина, 109

45 коп.

